

SYMPOSIUM ALUMNI

**Актуальные вопросы
социально-гуманитарных
дисциплин**

**Материалы VIII открытой студенческой
научно-практической конференции
«Symposium Alumni»**

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПЕРМСКИЙ ФИЛИАЛ

SYMPOSIUM ALUMNI

**Актуальные вопросы
социально-гуманитарных дисциплин**

*Материалы VIII открытой студенческой
научно-практической конференции
«Symposium Alumni»*

Редакционно-издательский отдел НИУ ВШЭ – Пермь
Пермь 2019

**КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 47**

Антипина Л.С.

О «советском» с любовью: культура памяти старшего поколения по материалам биографических интервью 47

Булнина М.В.

«Дабы иконам святым ложных чудес не было вымышлено»: наказания за разглашение чудесных явлений в России XVIII в. 54

Вдовина А.А.

Образы второго плана в исторических романах 1940–1950-х годов 61

Кондакова Е.В.

«Не ожидая бури»: повседневность и быт до революции (по материалам личных дневников) 67

Махнева Е.А.

Интервью как источник изучения советского кинозрителя. Эвристические возможности и границы 75

Остапенко А.В.

Воспоминания украинских спецпоселенцев о жизни в Прикамье в период с конца 1930-х годов по 1950-е годы (по материалам интервью) 82

Тройчун К.А.

«Присутствие отсутствия»: образ дефицита в нарративе о потреблении позднесоветской эпохи 92

Шабанова С.И.

Феномен жертвенности в репрезентации детских и юношеских образов в советской массовой культуре 1930–1940-х годов 100

Феномен жертвенности в репрезентации детских и юношеских образов в советской массовой культуре 1930–1940-х годов

Шабанова С.И.

4-й курс, социально-гуманитарный факультет НИУ ВШЭ – Пермь
Научный руководитель: Чащухин А.В., канд. ист. наук, доцент

Аннотация

Исследование посвящено феномену жертвенной репрезентации детских образов в СССР в 1930–1940-е годы. Цель исследования — реконструировать основные модели репрезентации жертвенных детских и юношеских образов в советской массовой культуре этого времени. Используя методологию Евгения Добренко, автор изучил произведения детской литературы, советскую периодику для детей и фильмы, в которых представлены детские жертвенные образы. В результате выявлено, что в источниках образы пионеров и комсомольцев создаются заведомо жертвенными.

Ключевые слова: жертва, жертвенность, пионеры, пионеры-герои, молодая гвардия.

Abstract

The research is devoted to the victimization of pioneer heroes in Soviet discourse in the Stalin era. In the 1930s and 1940s, the soviet government tried to create a «new Soviet man» by propaganda, and the image of the victim was one of the techniques. The purpose of the study is to describe the main features of the «victim» construct in the USSR and trace its transformation. Using the methodology of Evgeny Dobrenko, who sees socialist realism as compensation for Soviet reality, we studied children's magazines and novels about pioneer heroes and found common and particular in the design of sacrificial images. As a result, we concluded that exemplary pioneers (usually girls) are usually represented as victims, and in their description, a demonstration of body plays a big role.

Keywords: victim, pioneer heroes, pioneer, young guard.

В статье рассмотрен феномен виктимизации в советской массовой культуре. Сам феномен конструирования жертвы существует в большинстве культур, но в советской культуре он связан с идеологическими задачами. Дело в том, что в 1930–40-е годы в советской

массовой культуре появились образы, которые власть стремилась сделать эталонными. Они фигурировали в произведениях, которые в основном были направлены на детскую и подростковую аудиторию: в них закреплялись необходимые для пропаганды героические образы, образы врага и жертвы. Исследовательница советского детства и юношества Катриона Келли считает, что начиная с 1932 г. в СССР появляется тенденция к виктимизации в детской литературе [Келли]. Это подтверждается изменением дискурса СМИ в отношении пионеров и комсомольцев и репрезентацией в культуре новых ролей, которые становятся привычными для детей, юношей и иногда взрослых.

Цель нашей работы — описать, как конструировались новые роли, кто и как был представлен в образе жертв в выбранном источнике — романе «Молодая гвардия».

Говоря об эталонных образах в советской культуре, мы имеем в виду мифологический конструкт, который существовал в СССР. Ольга Эдельман в статье «Легенды и мифы Советского Союза» пишет о том, что мироощущение советских людей было похоже на мифологическое: в его основе лежало предание (идеологический конструкт), включающее в себя описание мира путем рассказа о его происхождении. «Советский акт творения — это, конечно же, Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества. До нее были мрак и несчастья, вокруг, за пределами ее воздействия — опять же мрак и страдания трудящихся» [Эдельман, 1999, с. 15].

Согласно Е.М. Мелетинскому, в основе архаического мифа заложена идея о герое-демиурге, который формирует представление о месте человека во вселенной. Демииург — это идеальный и часто недостижимый образ героя, который продолжает свою жизнь и после смерти [Мелетинский, 2000, с. 178]. В советском мифе эту роль выполняли вожди, поэтому даже изображение Ленина и Сталина регламентируется особым канонем. Образы вождей транслировались по-разному для разных групп населения СССР. Например, образ Ленина в детской литературе был приспособлен под восприятие пионеров. На примере жизни вождя прививались базовые заповеди пионерии и конструировался образ примерного советского ребенка: пионер должен быть честным, любознательным и трудолюбивым. Специфической чертой подобной пропаганды для детей был элемент игры: в случае с книгой

о Ленине «Детские годы Ильича» эту функцию выполняли описания его озорных проделок и того, что Ленин и в семье, и в гимназии умел остроумно подшутить над окружающими [Ульянова, с. 7]. Эта книга за счет описания своеобразных «подвигов» вождя создавала мифологическую традицию для детей.

Таковую же функцию, но для взрослых советских граждан выполняла «Краткая история ВКП(б)» — сакральный для СССР текст. Именно на страницах учебника по истории коммунистической партии Ленин предстает создателем государства, лидером партии и, наконец, героем, благодаря которому партия ВКП(б) пришла к власти в России. Для создания образа положительного и самоотверженного героя используется такой способ, как наделение его чертами мессии (рассказ о детстве и юности Ленина как бы уже содержит предпосылки того, что он станет великим лидером). Кроме того, сделан акцент на изобретательность вождя (черта, обязательная для героя-демиурга). Как пример изобретательности приводится программа партии, которую Ленин написал молоком на бумаге. В «Кратком курсе ВКП(б)» и книге «Детские и школьные годы Ильича» представлены одни и те же качества героя, которые властные институты воспитывали в «новом советском человеке»: образованность, «культурность» и дисциплинированность. Интересно, что у этого образа нет национальности и тем более религии.

Однако кроме вождей-демиургов советская пропаганда создавала и «сверхгероев», чьи образы в массовой культуре воспроизводились с помощью жертвенного энтузиазма — истязания тела за действия, направленные на защиту Родины или идеологии. Достаточно вспомнить, например, заключительный эпизод фильма про Чапаева, в конце которого герой гибнет в реке. Или историю о Павлике Морозове, которого вместе с братом зверски убивают в лесу.

Историк Евгений Добренко считает, что соцреализм, утвердившийся в сталинскую эпоху, в части создания героических образов опирается на мотивы насилия и при этом стремится стереть память об этом насилии над героем посредством героизации [Добренко, 2007, с. 209]. Мы отчасти согласны с этой точкой зрения и принимаем положения из книги Добренко «Политэкономия соцреализма», в которой автор воспринимает соцреализм как своеобразное дополнение социальной реальности: то, что государство не могло дать гражданам

или желало визуализировать как уже сбывшиеся обещания, воплощалось в виде продуктов соцреализма. Таким же продуктом были героические и жертвенные образы и героический нарратив вообще, а после репрезентации в тексте они часто становились частью советской реальности (создавались пионерские отряды имени жертв-героев, произносились речевки, люди приносили цветы к предполагаемым могилам легендарных персонажей).

Выбранный для анализа роман Алексея Фадеева «Молодая гвардия» в редакции 1947 г. — интересный для исследования советских представлений о жертвенности и героизме источник. Книга посвящена подпольной юношеской организации, действовавшей в Краснодоне во времена Второй мировой войны. В истории фигурируют реальные герои, но все образы литературно переосмыслены, и поэтому можно оценивать их как продукт соцреализма.

С точки зрения репрезентации жертвенных образов роман также примечателен. Существует несколько общих аспектов в описании героев, которые впоследствии становятся жертвами. Во-первых, это нарочитое внимание к телесности, во-вторых, гендерное распределение описаний (большое внимание уделяется описаниям тел девушек). Кроме того, жертвенность в этом источнике касается истязаний не только физических, но и моральных.

С самого начала романа героини разных полов презентуются с существенными отличиями. В описаниях девочек-комсомолок, которые только заканчивают школу, преобладают высказывания о том, насколько они «розовощеки», «черноглазы», их сравнивают с лилиями и другими цветами. Большой акцент автор делает на молодости и здоровье девушек: здесь упоминаются полные губы, «стройные и пухлые ножки», румяные щеки непременно живые глаза. Фадеев часто описывает девушек в нижнем белье и купальниках, подчеркивая привлекательность молодого тела. В то же время автор применяет уменьшительно-ласкательные формы слов, чтобы создать более детский образ: «надела поясок с резинками», «обтерла ладошки», «черные глазки». Другое дело — юноши. К телу мужских персонажей такого пристального внимания нет, напротив, внешность мальчиков упоминается только в контексте национальности или цвета волос и глаз. Такой перекос в сторону описания женских образов в качестве образца молодого тела и пристальное внимание к женской телесности не случайно.

Тот же прием использует, например, автор поэмы «Зоя» Маргарита Алигер, чтобы впоследствии показать, как несправедливы страдания юного женского тела, образ которого так тщательно сконструирован в начале поэмы [Алигер, 1968, с. 7].

Подходя к теме жертвенности, стоит вспомнить эпизод из романа «Молодая гвардия», когда героиня Валя Борц приходит на биржу труда к немцам, оккупировавшим город, и ей приходится раздеваться до нижнего белья в кабинете начальника биржи [Фадеев, 1946, с. 97]. В этом эпизоде автор делает акцент на том, насколько унижительно подобное для советской девушки, закрепляя ранее созданный образ «примерной комсомолки». Интересно, что дальше подобные моральные «пытки» сопровождаются и физическими: в конце романа, когда немцам открывается правда о подпольной организации, описываются эпизоды раздевания девушек немцами для дальнейших пыток. В одном из таких эпизодов про пытки героини написано следующее: «Ужасна была не боль от мучений, — она могла перенести любую боль, она даже не помнила, как били ее, — ужасно было, когда они кинулись ее раздевать, и она, чтобы избавиться от их рук, вынуждена была сама раздеваться перед ними...». Теорию о том, что для советской девушки моральная пытка даже страшнее (и должна быть страшнее с точки зрения идеологии), чем физическая, подтверждается еще одним эпизодом. Героиня Ульяна делилась с Толей своими мыслями по поводу приезда немцев в город: «В первый же день, как я приехала, я опять их увидела, как они рылись в наших постелях, в сундуке, они резали платья материнские, мои и сестрины на свои шарфы-косынки, они не брезговали даже искать в грязном белье, но они хотят добратсья и до наших душ...»

Указанные и многие другие эпизоды подтверждают, что молодые герои не боятся мучений или смерти — они боятся, что враг прикоснется к чему-то сокровенному, нарушит их моральные принципы, воспитанные советской идеологией. Очевидно, что автор представляет «дополненную советскую реальность», следуя всем законам соцреализма: были и те, кто боялся прежде всего физического насилия, а некоторые деревенские девушки могли быть смущены тем, что их попросят раздеваться до нижнего белья, но не считали это пыткой.

Подобные представления о моральном насилии, насилии над душой, тесно связаны с образом врага, конструируемым автором.

Насколько мерзким, грязным и аморальным представляется немец, настолько же невинными и высокодуховными видятся их жертвы. Из общей канвы выбивается история о мастере Брюкнере, который хранит мешочек с вырванными золотыми зубами. Автор акцентирует внимание на том, что Брюкнер вырывал их не из-за жажды наживы, а ради удовольствия. После этого эпизода читатель должен окончательно убедиться в том, что немцы — нелюди, способные сотворить что угодно, а заключительные главы с пытками главных героев только подтверждают данный факт. Кроме того, в тексте есть момент, на котором автор сознательно заостряет внимание: во время задержания «Валько и Матвея Костиевича заставило содрогнуться от жалости и гнева, — это то, что они увидели в дальнем конце коридора, у выхода из тюрьмы, куда с выражением страдания, ужаса и изумления смотрели почти все заключенные. Там стояла молодая, с измученным, но сильным по выражению лицом женщина, в бордовом платье, с ребенком на руках, и руки ее, обнимавшие ребенка, и самое тело ребенка были так скручены веревками, что ребенок был наглухо и навечно прикреплен к телу матери. Ребенку еще не было и года, его нежная головенка с редкими светлыми волосиками, чуть завивавшимися на затылке, лежала на плече у матери, глаза были закрыты, но он не был мертв, — ребенок спал» [Там же. С. 152]. Здесь мы также видим, как через образ молодой матери и беззащитного младенца (тех, кого традиционно представляют в качестве жертв в военное время, ведь мужчины должны были воевать) передается «зверство» врага: при этом автор не упоминает никаких подробностей о том, кто эта женщина с ребенком или за что ее могли задержать. Данный эпизод присутствует здесь исключительно ради создания определенного эмоционального настроения у читателя.

Фадеев возвращается к жертвенному образу матери и в следующих главах романа для того, чтобы пытки героев вызывали еще больше жалости. Так, в сцене пыток Сережи автор описывает, как «мать одиннадцати детей швырнули на окровавленный топчан и стали избивать проводами на глазах у ее сына. Сережка не отворачивался, он смотрел, как бьют его мать, и молчал. Потом его били на глазах матери, а он все молчал» [Там же. С. 649]. В конце романа автор также рассказывает о печальной судьбе Любки, которой перед расстрелом удалось переслать на волю записку матери: «Прощай, мама, твоя дочь

Люба уходит в сырую землю» [Фадеев, 1946, с. 656]. В культуре СССР, как и во многих других, считается неправильным, когда дети умирают раньше родителей, поэтому подобный прием подчеркивания этого обстоятельства также работает на демонизацию образа врага и добавление жалости к жертвам.

Следует также рассмотреть, как в романе в зависимости от степени приближенности к партийным структурам различается степень «зверства», с которой пытаются героев. Так, Фадеев пишет о том, что девушка «Майя была когда-то секретарем комсомольской ячейки и ее теперь мучили больше других», а героиню Любку, которая руководила подпольем в Краснодаре, мучили до 7 февраля (как минимум на неделю дольше, чем всех участников «молодой гвардии»), что особо подчеркивается в тексте.

При всех возможных попытках, описанных в романе, исход один: тот же, что и в большинстве пропагандистских материалов. Все без исключения подвергавшиеся пыткам герои не сдавали друг друга, и это подчеркивалось в каждом случае: у кого-то глаза во время пыток становились более ясными, кто-то проявлял невероятную выдержку и не издавал ни звука, а Лида Андросова, которую били ремнями от винтовки, считала удары вслух, но не сказала ни слова о деятельности Сумского в организации [Там же. С. 650]. В таком поведении прослеживается отсылка к христианскому смирению и принятию, что придает жертвенности оттенок сакральности.

Ну и, наконец, автор романа также упоминает различные приемы пыток: подробно описывает, как детей садили на раскаленные плиты, били ремнями от винтовок, скидывали в шахту и закапывали живьем, привязывали людей намертво друг к другу, ломали здоровые конечности. Сам автор оценивает эти мучения как «уже не представимые человеческим сознанием, не мыслимые с точки зрения человеческого разума и совести» и тем самым приписывает персонажам черты «сверхгероя-жертвы».

Итак, роман «Молодая гвардия» содержит следующее представление о жертве, существовавшее в СССР. Жертва — это в большинстве случаев девушка, женщина или ребенок. У жертвы есть ярко выраженные признаки молодого и здорового тела. Образ жертвы тесно связан с образом врага, и чем сильнее жертву мучают, тем ярче этот образ и тем более дерзким представляется враг. Кроме того, в качестве муки

может использоваться не только телесное наказание, но и моральное (и часто используется), ведь для концепции советского «культурного» человека (особенно женщины) важно сохранять целомудрие. Интересно также, что жертва обретает такой статус именно в окружении чужих — врагов и все присущие герою характеристики получают совершенно другой контекст в окружении врага. Особенно очевидно последнее при описании телесности: в начале произведения девушки описываются в купальных костюмах рядом с юношами-друзьями и нет ничего зазорного в полуобнаженном теле, а позже то же тело рядом с врагом обретает смыслы стыда и похоти. С помощью подобных средств образ жертвы представлен и в других образцах массовой советской культуры, но в «Молодой гвардии» данный образ является особенно ярким.

Список источников

Алигер М. Зоя [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/POEZIQ/ALIGER_M/zoya.txt (дата обращения: 29.10.2017).

Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.

Келли К. «Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/katrion-pr.html> (дата обращения: 17.11.2017).

Келли К. Товарищ Павлик: взлет и падение советского мальчика-героя. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 328 с.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2000. 609 с.

Ульянова А. и др. Детские и школьные годы Ильича [Электронный ресурс]. URL: <http://libelli.ru/works/chapter1.htm> (дата обращения: 17.04.2017).

Фадеев А. Молодая гвардия. М., 1946. 657 с.

Эдельман О. Легенды и мифы Советского Союза // Логос. 1999. №. 5. С. 15.

© Шабанова С.И., 2019